

© 1993 г.

Э. ФРОММ

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ* О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ

Когда психолог ставит перед собой задачу понять поведение человека, то должен выбрать такие методы, которые пригодны для изучения человеческого существа *in vivo*, в то же время все бихевиористские исследования практически проводятся *in vitro* (я употребляю это слово не в смысле психологической лаборатории, а в собственном значении слова, то есть для констатации того факта, что соответствующий индивид наблюдается в контролируемых, искусственно созданных условиях, а не в «реальном» жизненном процессе). Создается впечатление (видимость), что психология стремилась обеспечить себе респектабельность тем, что она стала подражать естественным наукам, заимствуя у них некоторые методы, но, кстати сказать, это оказались методы, которые имели силу 50 лет назад, а не те «научные» методы, которые стали приняты в передовых отраслях науки сегодня. В результате недостаток теории часто скрывается за впечатляющими математическими формулами, которые не имеют ничего общего с фактами и нисколько не поднимают их значимость.

Весьма нелегкое дело — разработать метод для наблюдения и анализа человеческого поведения вне лаборатории, однако это является важнейшей предпосылкой для понимания человека. В сущности при изучении человека работают только два метода наблюдения:

Первый — прямое и детальное изучение одного человека другим. Самый результативный вариант этого метода демонстрирует «психоаналитическая лаборатория», разработанная Фрейдом. Здесь пациенту предоставляется возможность выразить свои

Продолжение. Начало см. в № 7, 1992.

неосознанные влечения, одновременно выясняется связь этих влечений с доступными глазу «нормальными» и «невротическими» актами поведения.

Менее сильным, но все же довольно продуктивным методом является интервью или серия опросов, к которым следует причислить изучение некоторых сновидений, а также ряд прожективных тестов.

Второй метод исследования человека *in vitro* состоит в том, чтобы вместо «запихивания» жизни в лабораторию превратить в «естественную лабораторию» определенные жизненные ситуации. Вместо конструирования искусственной социальной ситуации (как это делается в психологической лаборатории) экспериментатор изучает те эксперименты, которые предлагает сама жизнь. Надо выбрать такие социальные ситуации, которые поддаются сравнению, и с помощью специального метода превратить их в соответствующий эксперимент. Если одни факторы принять за константу, а другие изменять, то в такой естественной лаборатории появляется возможность для проверки различных гипотез. Существует очень много похожих ситуаций и можно проверить, соответствует ли та или иная гипотеза всем этим ситуациям — если это не так, то можно выяснить, существует ли убедительное объяснение для этого исключения или надо менять гипотезу. Простейшей формой подобного «естественного эксперимента» является анкетный опрос (с использованием большого списка открытых вопросов или же в ходе личного интервью), проводимый среди репрезентативных групп людей разного возраста, профессии и т.д.

Само собой разумеется, в таких случаях мы не можем рассчитывать на абсолютную «точность» результатов, какая достигается в лаборатории, ибо два социальных объекта никогда не бывают совершенно идентичны. Но когда ученый имеет дело не с «подопытными индивидами», а с людьми, когда он изучает не артефакты, а реальную жизнь, то вовсе не стоит ему гнаться за видимой (а иногда и сомнительной) точностью ради того, чтобы получить весьма тривиальные результаты. Я считаю, что для анализа агрессивного поведения с научной точки зрения наиболее пригодны или психоаналитическое интервьюирование или опрос в естественной социальной «лаборатории» жизни. Правда, оба эти метода требуют от исследователя гораздо более высокого уровня комплексного теоретического мышления, чем самый изоциренный, хитроумный лабораторный эксперимент.

Для наглядности хочу привести пример. Стенли Мильграм в своей «интеракционистской лаборатории» в Йельском университете провел интересное исследование. В нем участвовали 40 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет из Нью Хавен и его окрестностей. Мы подобрали людей с помощью рекламы и прямых предложений по почте. Общая совокупность включала самые различные профессии. Наиболее распространенные — почтовые служащие, преподаватели вузов, продавцы, инженеры и рабочие. Образовательный уровень — от неполной средней школы до докторов наук. За участие в эксперименте каждый получал 4,5 доллара. Причем оговаривалось заранее, что деньги получит только за свое появление в лаборатории, независимо от дальнейших событий.

В каждом эксперименте принимали участие как минимум один совершенно «невинный», неопытный представитель и одна «жертва» (по выбору руководителя исследования). Мы должны были выдумать причину, чтобы объяснить неопытным испытуемым необходимость применения электрошока (на самом деле он не применялся, но подготовка была). Для прикрытия создавалась легенда об интересе исследователей к проблеме отношений между обучением и наказанием. Вот как звучала эта легенда:

«Мы очень мало знаем о воздействии наказания на обучение, ибо по этой проблеме практически нет научных исследований.

Так, например, мы не знаем, какая мера наказания дает наибольший результат в учебе, мы не знаем, существует ли различие в восприятии наказания: имеет ли

значение для взрослого человека, кто его наказывает, — тот, кто старше него или моложе, и многое другое.

Поэтому мы собрали здесь взрослых людей разных возрастов и профессий и предполагаем, что среди вас есть ученики и есть учителя.

Мы хотим узнать, каково влияние различных личностей друг на друга, когда одни выступают в роли обучающихся, а другие — в роли обучаемых и, кроме того, какова роль наказания при обучении.

Я попрошу одного из вас сегодня вечером сыграть здесь роль учителя, а другого — быть при этом учеником.

Может быть кто-то хочет сам быть учителем, а кто-то предпочитает быть учеником?»

Дальше испытуемые тянули жребий (бумажки из шляпы): кто будет учителем, а кто — учеником. Жеребьевка была так построена, что ничего не подозревающий всегда был учителем, а участник эксперимента — всегда учеником. (На обеих бумажках было написано слово «учитель».) Сразу после жеребьевки учитель и ученик помещались в разные комнаты, причем ученика сажали на «электрический стул» и привязывали.

Экспериментатор объяснял, что ремни должны удерживать обучаемого от слишком резких движений во время шока или даже от бегства в соответствующей ситуации. Затем накладывался электрод на запястье обучаемого, которое предварительно смазывалось специальным вазелином «во избежание ожога и волдыря». Испытуемому было сказано, что электрод подключен к генератору шока, который стоит в соседней комнате.

... В другой комнате испытуемому учителю дается приказ за каждый неправильный ответ выдавать обучаемому «порцию шока». Кроме того, — и это особенно важно — учителю предлагалось «после каждого неправильного ответа обучаемого передвигать регулятор силы тока вверх по шкале интенсивности на одно деление». Перед тем как нажать на рычаг, он должен был вслух произнести число, соответствующее делению вольтметра. Таким образом, испытуемый учитель должен был четко сознавать постоянно растущую интенсивность электрошока, которым он «наказывает» обучаемого... Во всех случаях обучаемому заранее дается набор парных ответов, среди которых три ошибочных приходится на один верный. При таких условиях обычно ученик не подает голоса или другого протестующего сигнала, пока уровень электрошока не достигает 300 вольт. А когда же дается сигнал 300 вольт, ученик начинает бить кулаками в стену. Экспериментатор слышит эти стуки. С этой минуты ответы обучаемого больше не идут по 4-ответной схеме... Когда испытуемый давал знак, что не хочет больше работать, экспериментатор подбадривал его. Для этого у него есть целый набор просьб-требований — ровно столько, сколько нужно, чтобы заставить испытуемого продолжить работу.

Просьба 1. Пожалуйста, продолжайте.

Просьба 2. Экспериментатор требует Вашего дальнейшего участия.

Просьба 3. Ваше участие совершенно необходимо.

Просьба 4. У Вас нет иного выбора, как продолжить учебу.

Эти фразы предъявлялись последовательно по мере необходимости. Если даже четвертому требованию испытуемый не хотел подчиниться, эксперимент прекращался. Экспериментатор разговаривал одним и тем же размеренным, довольно вежливым тоном и каждый раз, когда испытуемый начинал спотыкаться или медлить с выполнением приказа, экспериментатор снова начинал выдвигать вышеназванный ряд требований.

Были и подбадривания особого назначения. Например, если испытуемый спрашивал, не скажется ли эксперимент на здоровье «ученика», то экспериментатор отвечал: «Даже если уколы электрошока доставляют болезненные ощущения, все равно кожный покров от этого не пострадает, так что спокойно работайте дальше». (Это дополнение к просьбам 2, 3, 4.) Если испытуемый говорил, что ученик больше не

хочет работать, то наблюдавший отвечал: «Хочет этого ученик или нет, Вы должны продолжать, пока ученик не выучит правильные ответы на все вопросы парного теста. Пожалуйста, продолжайте!».

Какие результаты дал этот эксперимент? Многие участники проявили признаки нервозности, особенно при увеличении доз электрошока. Во многих случаях напряжение достигало такой степени, которая редко встречается в социально-психологических лабораторных испытаниях. Испытуемые потели, заикались, дрожали, кусали губы, стонали и сжимали кулаки так, что ногти впивались в кожу. И это были скорее типичные реакции, чем из ряда вон выходящие.

Одним из признаков напряжения были периодические приступы смеха. У 14 из 40 человек этот нервный смех был регулярно повторяющимся, хотя смех в подобной ситуации кажется совершенно неуместным, почти безумным. У трех человек приступы смеха были неуправляемы, а у одного испытуемого начались такие конвульсии, что эксперимент пришлось прервать. Испытуемый 46 лет был в явном смущении из-за своего неуправляемого и «непристойного» поведения. В последующей беседе почти каждый выражал сожаление и заверял, что он не садист, и улыбка вовсе не означала, что мучения жертвы доставляли хоть малейшее удовольствие.

Вопреки первоначальным ожиданиям ни один из 40 человек не прекратил работу прежде, чем уровень электрошока достиг 300 вольт, а жертва начала барабанить в стенку. Только пятеро из 40 отказались подчиниться требованию экспериментатора и включить ток свыше 300 вольт. Пятеро сами увеличили дозу сверх 300: двое до 330 вольт, остальные трое — до 345, 360 и 375 вольт. Таким образом, в целом 14 человек (35%) оказали сопротивление экспериментатору.

А «послушные» нередко слушались лишь под большим давлением и проявляли почти такой же страх, как и сопротивляющиеся. А после окончания эксперимента многие из послушных испускали вздох облегчения, терли глаза и лоб, нервно хватались за сигареты, кое-кто виновато качал головой. И только несколько испытуемых в течение всего эксперимента не проявили никаких признаков беспокойства.

При обсуждении эксперимента автор констатировал два удивительных вывода. Первый касается огромной нерушимой тенденции к повиновению. Испытуемые с детства привыкли, что наносить боль другому человеку — тяжелый нравственный проступок. И все же 26 человек переступили через этот нравственный императив и послушно исполняли приказы авторитарной личности, хотя она и не обладала никакой формальной властью.

Второй непредусмотренный эффект связан с чрезмерным напряжением. Можно было ожидать, что испытуемые либо прекратят выполнять задание, либо будут продолжать — как кому подскажет совесть. Но произошло нечто совершенно иное. Дело дошло до крайней степени напряженности и огромных эмоциональных перегрузок. Один наблюдатель записал: «Я видел, как довольно развязный, уверенный в себе предприниматель средних лет, улыбаясь вошел в лабораторию. Через 20 минут он превратился в дрожащее, заикающееся, жалкое существо, похожее на нервного больного. Он постоянно тербил мочку уха, потирал руки. А один раз он ударил себя кулаком по лбу и пробормотал: "О Господи, когда же это кончится?!" И тем не менее он прислушивался к каждому слову экспериментатора и подчинялся ему до конца».

На самом деле этот эксперимент чрезвычайно интересен не только в плане изучения конформизма, но и изучения жестокости и деструктивности. Это напоминает ситуации реальной жизни, когда выясняется вина солдата, совершившего чудовищные преступления по приказу командира. Может быть, это касается и немецких генералов, осужденных в Нюрнберге военных преступников, или лейтенанта Келли и некоторых его подчиненных во Вьетнаме?

Я полагаю, что в большинстве случаев из эксперимента нельзя делать выводов относительно реальной жизни. Психолог был в эксперименте не просто авторитетом, а представителем науки и одного из ведущих научно-исследовательских институтов,

занимающихся проблемами высшего образования в США. Принимая во внимание, что наука в современном индустриальном обществе ценится выше всего на свете, среднему американцу трудно представить, что от ученого может исходить безнравственный, вредный приказ. Если бы Господь Бог не запретил Аврааму убить сына, — он бы это сделал, как сделали миллионы родителей, которые в течение истории приносили своих детей в жертву. Для верующего ни Бог, ни его современный эквивалент, каким является наука, не могут совершить несправедливость. Поэтому повиновение, обнаруженное в эксперименте Мильграма, не должно вызывать удивление. Скорее можно было удивиться непокорности оставшихся 35%.

Не заслуживает удивления и возникший уровень напряженности. Экспериментатор ожидал, «что испытуемые сами прекратят выполнять задание по велению своей совести». Разве это тот способ, каким люди в жизни выходят из конфликтных ситуаций? Разве не в том состоит особенность и трагизм человеческого поведения, что человек пытается не ставить себя в конфликтную ситуацию? Это означает, что он не осознает свой выбор между тем, что ему диктуют жадность и страх, и тем, что ему запрещает совесть. На деле человек с помощью рационализации отбрасывает осознание конфликта, и конфликт остается в подсознании в форме сильного стресса, невротических симптомов или чувства вины по совершенно иным, придуманным причинам. И в этом отношении подопечные Мильграма вели себя вполне нормально.

Однако здесь возникают другие интересные вопросы. Мильграм считает, что его испытуемые находятся в конфликтной ситуации, ибо не видят выхода из противоречия между авторитарным приказом и образцами поведения, внушенными им в раннем детстве, суть которых — не навреди другому.

Разве так обстоит дело? Разве мы научились «не наносить ущерб другим людям»? Может быть, этой заповеди и учат в церковной школе, но в школе реальной жизни детей, напротив, учат понимать и отстаивать свои преимущества, даже в ущерб остальным. И потому конфликт, который предполагает Мильграм в этой ситуации, не столь велик.

Я вижу важнейший результат эксперимента Мильграма в том, что он обнаружил сильную реакцию против жестокости. Разумеется, 65% испытуемых удалось «воспитать» так, что они вели себя жестоко, но при этом в большинстве случаев они отчетливо проявили реакцию возмущения или неприятия садистского поведения. К сожалению, автор не приводит нам точные показатели по тем, кто во время всего эксперимента не проявляли беспокойства. Как раз очень интересно было для понимания человеческого поведения узнать об этих людях больше подробностей. Очевидно, они не испытывали ни малейших неудобств, совершая жестокие действия. И первый вопрос здесь: почему? Возможен ответ, что страдание других доставляло им удовольствие, и они не чувствовали ни малейших угрызений совести, так как их поведение было санкционировано авторитетом свыше. Есть другая возможность: если речь идет о столь сильно отчужденном или нарциссическом типе личности, то такие люди невосприимчивы ко всему, что касается других. А может быть, это были «психопаты», которые вообще лишены нравственных реакций. Те, у кого проявились различные симптомы стресса и страха, — вот это, должно быть, люди с антисадистским и антидеструктивным характером. (Если бы после эксперимента было проведено глубинно-психологическое интервьюирование, то появилась бы возможность выяснить характерологические различия этих людей и дать обоснование гипотезы о поведении этих людей в будущем.)

Важнейший результат эксперимента сам Мильграм оставляет почти без внимания, а именно, наличие совести у большинства испытуемых и их переживание по поводу того, что послушание заставило их действовать вопреки их совести. А если кто-то захочет интерпретировать этот эксперимент как доказательство того, что человека легко сделать бесчеловечным, то я подчеркиваю, что реакции испытуемых говорят с прямо противоположным, то есть о наличии серьезных внутренних сил личности, для которых жестокое поведение невыносимо. А это приближает нас к тому, что при

изучении жестокости в реальной жизни очень важно учитывать не только жестокое поведение, но и (часто неосознанное) чувство угрызения совести у тех, кто подчинился авторитарному приказу. (Нацисты были вынуждены применить хитроумнейшую систему вуалирования своих преступлений, чтобы заглушить голос совести у простых немецких граждан.)

Эксперимент Мильграма хорошо иллюстрирует разницу между сознательными и бессознательными аспектами поведения, хотя сам он их и не принимает в расчет.

Еще один эксперимент оказался в этой связи весьма убедительной иллюстрацией к проблеме причин жестокости.

Первый материал об этом эксперименте — совсем коротенькое сообщение д-ра Цимбарго в 1972 г. Позднее появилась более подробная публикация, но я буду цитировать по рукописи, любезно предоставленной мне д-ром Цимбарго.

Цель эксперимента состояла в том, чтобы изучить поведение нормальных людей в ситуациях, близких к тюремному заключению, где одни испытуемые выступают в роли заключенных, другие — надзирателей. Автор считает, что ему удалось этим экспериментом подтвердить свой общий тезис, что под влиянием определенных обстоятельств любой человек может дойти до любого состояния, вопреки всем своим представлениям о нравственности, вопреки личной порядочности и всем социальным принципам, ценностям и нормам. Короче говоря, в эксперименте, где воспроизводилась ситуация тюрьмы, большинство испытуемых, игравших роль «надзирателей», превращались на глазах в жесточайших садистов, а те, кто играл заключенных, демонстрировали жалкое зрелище несчастных, запуганных и подневольных людей. У некоторых «заключенных» так быстро развились серьезные симптомы психической неполноценности, что пришлось их через несколько дней вывести из эксперимента. На самом деле реакции обеих групп испытуемых были столь интенсивны, что запланированный на две недели эксперимент пришлось закончить через шесть дней.

Я сомневаюсь, что данный эксперимент, доказывает вышеназванный бихевиористский тезис и приведу свои аргументы. Но сначала я должен сообщить читателю некоторые подробности эксперимента. Через газетную рекламу был организован конкурс студентов, желающих за 15 долларов в день принять участие в психологическом исследовании тюремной жизни.

Желающие должны были заполнить подробнейшую анкету о своем семейном положении, происхождении, здоровье, с сообщением биографических фактов, а также рассказом о психопатологических наклонностях и т.д. Каждый заполнивший анкету проходил затем через беседу с одним из двух руководителей исследования. В конце концов, были отобраны 24 человека, которые выглядели наиболее здоровыми в физическом и духовном плане и казались менее всего способными на анти-социальные поступки. Половина из них наугад была определена на роль «надзирателей», а вторая половина — на роль заключенных.

Последняя выборка испытуемых за день до начала эксперимента была подвергнута тестовому испытанию. По мнению авторов проекта, все участники были нормальными и не имели никаких садистских или мазохистских наклонностей.

Тюрьма была устроена в длинном коридоре подвала института психологии Стенфордского университета. Всем испытуемым было объявлено, что они могут сыграть роль надзирателей или заключенных, и все добровольно согласились в течение двух недель играть одну из этих ролей и получать за это 15 долларов в день. Они подписали договор, в котором оговаривались условия их жизни — минимум одежды, еды, питья, медицинского обеспечения и т.д.

В договоре четко оговаривалось, что те, кто согласился быть заключенным, будут находиться под надзором (не будут оставаться никогда в одиночестве) и что во время этого заключения они будут лишены некоторых гражданских прав и могут быть наказаны (за исключением телесных наказаний). Больше никакой информации о своем будущем пребывании в тюрьме они не получили. Тем, что был окончательно

выбран на эту роль, было сообщено по телефону, что в определенное воскресенье (день начала эксперимента) они должны быть дома.

Лица, избранные на роль надсмотрщиков, приняли участие в собеседовании с «директором тюрьмы» (дипломированным ассистентом вуза) и с «инспектором» (главным экспериментатором). Им сказали, что в их задачу входит «поддержание некоторого порядка в тюрьме». Важно знать, что понимали под «тюрьмой» авторы исследования. Они употребляли это слово не в прямом его значении, то есть не как место пребывания правонарушителей, а в специфическом значении, отражающем условия в некоторых американских тюрьмах.

Мы не собирались буквально воспроизводить все условия какой-либо американской тюрьмы, а скорее хотели показать функциональные связи. По этическим, нравственным и практическим причинам мы не могли запереть наших испытуемых на неопределенное время; мы не могли угрожать им тяжелыми физическими наказаниями, не могли допустить проявлений гомосексуализма или расизма и других специфических аспектов тюремной жизни. И все же мы думали, что нам удастся создать ситуацию, которая будет настолько похожа на реальный мир, что нам через ролевую игру удастся в какой-то мере проникнуть в глубинную структуру личности. Для этой цели мы позаботились о том, чтобы в эксперименте были представлены разные профессии и судьбы — и тогда мы сможем вызвать у испытуемых аналогичные жизни психологические реакции — чувства могущества или бессилия, власти или подневольности, удовлетворения или фрустрации, права на произвол или сопротивления авторитарности и т.д.

Читателю должно быть понятно, что методы, примененные в эксперименте, были ориентированы на систематическое и жестокое унижение личности — и это планировалось заранее.

Каково было обращение с «заключенными»? С самого начала их предупредили, чтобы они готовились к эксперименту.

«Арест» происходил без предупреждения на квартире с помощью государственной полиции. Полицейский объявил каждому, что он подозревается в краже или вооруженном нападении. Он проинформировал арестованных об их законных правах и предложил спуститься вниз и в полицейской автомашине проехать в полицию. Там состоялась обычная процедура: снятие отпечатков, заполнение анкеты, и сразу арестованные были помещены в камеры. Каждому при этом завязали глаза и отравили в сопровождении экспериментатора и «охранника» в искусственную тюрьму. Во всей процедуре официальные власти занимали самую серьезную позицию и не отвечали ни на один из возникающих у испытуемых вопросов.

По прибытии в экспериментальную тюрьму каждого арестованного раздели до нитки, в голом виде поставили во дворе и побрызгали дезодорантом, на котором было написано «Средство от вшей». Затем каждый, был одет в арестантскую одежду, сфотографирован в профиль и фас и отправлен в камеру под спокойно отданный приказ вести себя тихо.

Поскольку «арест» был совершен руками настоящей полиции, испытуемые должны были думать, что они и впрямь обвиняются за какое-то деяние, особенно после того, как на заданный вопрос об эксперименте чиновники не дали никакого ответа. Что должны были при этом думать и чувствовать испытуемые? Откуда им было знать, что «арест» был «понарошку», а полицию привлекли психологи для того, чтобы применением силы и ложными обвинениями придать эксперименту больше правдоподобности?

Одежда арестованных была своеобразной, она состояла из хлопчатобумажной куртки с черным номерным знаком на груди и на спине. Под «костюмом» не было никакого нижнего белья. На щиколотку надевалась тонкая цепочка, застегнутая на замок. На ноги выдавались резиновые сандалии, а на голову — тонкая, плотно прилегающая и закрывающая все волосы шапочка из нейлонового чулка... Эта одежда не только лишала арестованных всякой индивидуальности, она должна была унижить,

ибо была символом зависимости. О подневольности постоянно напоминала цепочка на ноге, она и во сне не давала покоя. А шапочка из чулка делала всех людей на одно лицо, как в армии и тюрьме, когда мужчин стригут наголо. Безобразные куртки не по размеру стесняли движения, а отсутствие белья вынуждало арестованных менять походку и выглядеть скорее как женщины, чем как мужчины.

Как же вели себя «заключенные» и «надсмотрщики», каковы были и их реакции на протяжении шести экспериментальных дней?

Самое ужасное впечатление произвело на всех участников тяжелейшее состояние пяти заключенных, которые кричали, буйствовали или демонстрировали приступы жесточайшей депрессии, животного страха, и в результате были выведены из эксперимента. У четверых из них симптомы ненормального состояния начались на второй день заключения. Пятый же весь покрывал аллергической сыпью нервного происхождения. Когда через шесть дней эксперимент прекратился раньше срока, все оставшиеся заключенные были безмерно счастливы.

Итак, все «заключенные» проявили приблизительно одинаковые реакции на ситуацию, в то время как «надсмотрщики» дали более сложную картину.

Казалось, что решение об окончании эксперимента их буквально огорчило, ибо они так вошли в роль, что им явно доставляла удовольствие неограниченная власть над более слабыми, и они не хотели с ней расставаться.

Авторы эксперимента так описывают поведение «охранников».

Никто из них ни разу не опоздал на смену, а некоторые даже добровольно соглашались на вторую смену без оплаты.

Патологические реакции в обеих группах испытуемых доказывают высокую степень зависимости личности от социально-профессиональной среды. Но были и отчетливые индивидуальные отклонения от средней нормы адаптации к новым условиям. Так, половина заключенных нормально переносила угнетающую атмосферу тюрьмы, и не всех охранников захватил дух враждебности по отношению к заключенным. Некоторые держались строго, но «в рамках инструкции». Однако некоторые проявили такое рвение, которое далеко выходило за рамки предписанной им роли: они мучили заключенных с изощренной жестокостью... и совсем немногие проявили пассивность и лишь изредка применяли к заключенным минимально необходимые меры принуждения.

Жаль, что у нас нет более точной информации, чем «некоторые», «несколько», «совсем немногие». Мне это представляется совершенно лишней скрытностью, и недостатком точности, легче было бы назвать число. Тем более, что в первой краткой публикации в «Trans-Action» были приведены данные более точные и существенно отличающиеся от тех, что мы только что прочли. Там процент садистски настроенных «надзирателей», применяющих изощренные методы унижения заключенных составлял чуть ли не 1/3. А остаток был поделен на две категории: 1) строгие, но честные; 2) хорошие надзиратели, с точки зрения заключенных, ибо они были доброжелательны, не отказывали в мелких услугах.

Эти характеристики очень сильно отличаются от той, что «немногие оставались пассивными и редко применяли меры принуждения».

Подобные расхождения и недостаток точности данных и формулировок тем досаднее, что с ним авторы связывают главный и решающий тезис эксперимента. Они надеялись доказать, что сама ситуация в несколько дней всего может превратить нормального человека либо в жалкое и ничтожное существо, либо в безжалостного садиста. Мне кажется, что эксперимент как раз доказывает обратное, если он вообще хоть что-нибудь доказывает. Хотя общая атмосфера тюрьмы, по идее исследователей, должна быть унижающей человеческое достоинство (что наверняка сразу поняли «надзиратели»), все-таки 2/3 «надзирателей» не проявили никаких симптомов садистского поведения — и мне это кажется вполне убедительным доказательством того, что человек не так-то легко превращается в садиста под влиянием соответствующей тому ситуации.

Все дело в том, что существует огромная разница между поведением и характером. И необходимо различать: или кто-то ведет себя соответственно садистским правилам, или этот кто-то, проявляя жестокость к другим людям, находит в этом удовольствие. И то, что в данном эксперименте такое различие не проводилось, очень сильно снижает его ценность.

На самом деле разграничение это имеет значение и для второй половины основного тезиса: ведь предварительное тестовое обследование показало уже, что испытуемые не имели ни садистских, ни мазохистских наклонностей, то есть тесты не выявили таких черт характера. Что касается психологов, которые делают ставку на явное поведение, эта констатация может считаться истинной. А психоаналитику она представляется не очень убедительной. Ведь черты характера весьма часто совершенно не осознаются и не могут быть раскрыты с помощью обычных психологических тестов. Что касается прожективных методик, как, например, ТАТ или Тест Роршаха, то все зависит от их интерпретации; в действительности с помощью этих тестов докопаться до неосознанных пластов психики в состоянии лишь те исследователи, которые имеют большой опыт изучения бессознательных процессов.

Есть еще одна причина для того, чтобы считать выводы о «надзирателях» спорными. Данные индивиды только потому и были избраны, что проявили себя как более или менее нормальные обычные люди и что садистских наклонностей у них не обнаружили. Но этот результат находится в противоречии с утверждением, будто среди обычного населения процент потенциальных садистов не равен нулю. Некоторые исследования доказали это, а опытный наблюдатель может это установить и без всяких тестов и анкет. Но каков бы ни был процент садистских личностей в нормальном населении, полное отсутствие этой категории скорее все же говорит о том, что применены были тесты, неподходящие для выяснения проблемы.

Некоторые неожиданные результаты описанного эксперимента можно объяснить другими факторами. Авторы утверждают, что испытуемым было трудно отличить реальность от роли, и делают вывод, что виновата в этом сама ситуация. Это, конечно, верно, но ведь это было заранее запланировано руководителями исследования. Сначала «арестованные» были сбиты с толку и запуганы. Условия, сообщенные им при подписании договора, резко отличались от того, что они затем увидели. Они были совершенно не готовы оказаться в атмосфере, унижающей человеческое достоинство. Но еще важнее для понимания возникшей путаницы привлечение к работе полиции. Поскольку полицейские власти чрезвычайно редко принимают участие в экспериментальных психологических играх, для «заключенных» было в высшей степени трудно отличить действительность от игры.

Из отчета следует, что они даже не знали, связан арест с экспериментом или нет, а чиновники отказались отвечать на этот вопрос. Спрашивается, есть хоть один нормальный человек, которого подобная ситуация не привела бы в полное смятение? После этого любой приступил бы к эксперименту с мыслью, что его «подставили» и «заложили».

Почему «арестованные» не потребовали немедленного прекращения игры? Авторы не дают нам ясной картины того, как они вначале объяснили претендентам условия выхода из тюрьмы. Я, по крайней мере, не нашел указания на то, что им вообще сказали о праве выйти из эксперимента, если он станет для них невыносим. И действительно, «надсмотрщики» силой заставляли оставаться на местах тех, кто хотел сбежать. У них, вероятно, было такое впечатление, что они должны для этого получить разрешение от специальной комиссии по освобождению... Однако авторы пишут следующее.

Одно из наиболее запоминающихся событий произошло в тот момент, когда мы услышали ответы пяти досрочно освобожденных заключенных. На вопрос руководителя об отказе от денежного вознаграждения трое сразу сказали, что согласны отказаться от всех заработанных денег. Если вспомнить, что единственным мотивом участия в эксперименте с самого начала был заработок, то, конечно, удивительно,

что уже через четыре дня они готовы были полностью отказаться от денег ради свободы. Однако еще удивительнее было то, что после такого заявления каждый из них встал и позвонил «конвоиру» увести себя в камеру, ибо мы сообщили, что возможность их освобождения необходимо обсудить с руководством. Если бы мы они себя считали только «испытуемыми», которые за деньги участвуют в эксперименте, то для них инцидент был бы исчерпан, и они бы считали себя вправе просто уйти. Однако тем временем ощущение подневольности стало таким сильным и реквизит театральной тюрьмы так здорово создавал обстановку реальной тюрьмы, что они не могли вспомнить в этот момент, что единственный мотив их пребывания здесь больше не имеет силы; и потому они послушно вернулись в камеру, чтобы там терпеливо дожидаться, когда тюремщики решатся досрочно отпустить их домой.

Разве они могли действительно с легкостью выйти из игры? Почему же им сразу четко не сказали: «Кто из вас захочет выйти из игры, может сделать это в любой момент: только тогда он потеряет свой заработок»? Если бы они были об этом информированы и все-таки оставались ждать решения властей, то автор имел бы право говорить об их конформности. А этого не было. Им дали ответ в типично бюрократической формулировке, когда ответственность перекладывается на кого-то наверху, что означало однозначно: «арестованные» не имеют права уйти.

Знали ли «арестованные» в действительности, что речь идет только об эксперименте? Это зависит от того, что здесь надо понимать под словом «знать», и как воздействовала на сознание испытуемых ситуация ареста, когда все оказалось умышленно запутано настолько, что можно было запросто забыть, кто есть кто и что есть что.

Помимо недостатка точности и критичной самооценки, у эксперимента есть еще один недостаток, а именно то, что эти результаты не были перепроверены в обстановке реальной тюрьмы. Разве большинство заключенных в самых плохих американских тюрьмах содержатся в рабских условиях, а большинство надзирателей являются жесточайшими садистами? Авторы приводят всего лишь одно свидетельство бывшего заключенного и одного тюремного священника, в то время как для доказательства столь важного тезиса, на который они замахнулись, не грех было бы провести целую серию проверок, может быть, даже систематические опросы многих бывших заключенных. Не говоря уже о том, что они обязаны были вместо общих рассуждений о «тюрьмах» привести точные данные о процентном соотношении обычных тюрем и тех, которые известны особо унижительными условиями и обстановку которых хотели воспроизвести экспериментаторы.

Что авторы не потрудились перепроверить свои выводы на ситуациях реальной жизни тем более досадно, раз существует обширный материал о самой чудовищной тюрьме, которую можно увидеть только в самом страшном сне: я имею в виду гитлеровский концлагерь.

Что касается спонтанной жестокости эсэсовских надзирателей, то это проблема еще не была систематически исследована. При моих ограниченных возможностях получения данных о проявлении спонтанного садизма у надзирателей (то есть такого поведения, которое выходит за рамки инструкций и мотивировано лишь садистским наслаждением), судя по опросам бывших заключенных, разброс оценок очень велик — от 10% до 90%; причем, более низкие цифры даны по показаниям бывших политзаключенных. И, чтобы внести ясность в эту шкалу оценок, надо было бы провести систематическое исследование садизма надзирателей в концлагерях. Для такого исследования можно использовать разнообразный материал, например:

1. Систематическое интервьюирование бывших узников концлагерей и ранжирование их высказываний по возрасту, причинам, длительности ареста и другим характерным показателям, а также интервьюирование бывших надзирателей.

2. «Косвенные» показатели; например, введение с 1939 г. «системы подготовки» заключенных во время длительных железнодорожных перевозок по пути в концлагерь (система приручения и дрессировки), когда их морили голодом, били,

подвергали чудовищным унижениям. Надзиратели из СС выполняли эти и другие садистские приказы, не испытывая ни малейшего сострадания. Но позже, когда заключенных перевозили по железной дороге из одного лагеря в другой, их уже никто не трогал, ибо они попадали в разряд «старых узников». Если кто-то из надзирателей хотел удовлетворить свои садистские наклонности, он мог это делать сколько душе угодно, не страшась ни в коей мере наказания. То, что это случалось не очень часто, говорит лишь о невысоком индивидуальном уровне садизма. Что касается поведения заключенных, то данные из концлагерей опровергают главный тезис Хани, Бэнкса и Цимбарго о том, что индивидуальные различия в воспитании, представления о нравственных нормах и ценностях утрачивают всякое значение перед лицом обстоятельств и под влиянием окружения. Наоборот, сравнение положений аполитичных заключенных из среднего класса (особенно евреев) и заключенных с твердыми политическими или религиозными убеждениями показало, что ценностные представления и убежденность решающим образом определяли различные реакции заключенных на совершенно идентичные условия жизни в лагере.

Бруно Беттельхайм приводит очень живой и глубокий анализ этих различий.

Неполитические заключенные из среднего класса составляли в концлагере небольшую группу и были менее всех остальных в состоянии выдержать первое шоковое потрясение. Они буквально не могли понять, что произошло и за что на них свалилось такое испытание. Они еще сильнее цеплялись за все то, что раньше было важно для их самоуважения. Когда над ними издевались, они рассыпались в заверениях, что никогда не были противниками национал-социализма. Они не могли понять, за что их преследовали, коль скоро они всегда были законопослушны. Даже после несправедливого ареста они разве что в мыслях могли возразить своим угнетателям. Они подавали прошения, ползали на пузе перед эсэсовцами. Поскольку они были действительно чисты перед законом, они принимали все слова и действия СС за чистую монету и возражали только против того, что сами стали жертвами, а преследования других считали вполне справедливыми, раз те происходили по приказу свыше. И все это пытались объяснить, доказывая, что произошла «ошибка». Эсэсовцы над ними потешались и издевались жестоко, наслаждаясь своим превосходством. Для этой группы в целом всегда значительную роль играло признание со стороны окружающих, уважение к их социальному статусу. Поэтому их больше всего убивало, что с ними обращаются как с простыми преступниками».

Поведение этих людей показало, насколько неспособно было среднее сословие немцев противопоставить себя национал-социализму. У них не было никаких идейных принципов (ни нравственных, ни политических, ни социальных), чтобы хотя бы внутренне сопротивляться этой машине. И у них оказался, совсем маленький запас прочности, чтобы пережить внезапный шок ареста. Их самосознание покоилось на уверенности в своем социальном статусе, на престижности профессии, надежности семьи и некоторых других факторах...

Почти все эти люди после ареста утратили важные для своего класса ценности и типичные черты, например, самоуважение, понимание того, что «прилично», а что нет и т.д. Они вдруг стали совершенно беспомощными — и тогда вылезли наружу все отрицательные черты, характерные для этого класса: мелочность, склочность, самовлюбленность. Многие из них страдали от депрессии и без конца хныкали. Другие превращались в жуликов и обкрадывали своих товарищей по камере (обмануть эсэсовца было делом почетным, а вот обокрасть своего считалось позором). Казалось, они утратили способность жить по своему пониманию, а старались ориентироваться на заключенных из других групп. Некоторые стали подражать уголовникам.

Очень немногие взяли себе в пример политических заключенных, которые как правило, вели себя наиболее пристойно, хотя и не во всем были бесспорно правы. Некоторые пытались приспособиться к заключенным из высшего сословия. Но больше всего было тех, кто рабски подчинился власти СС, даже не гнушаясь порой такими

поручениями, как доносительство и слежка, что обычно было делом уголовников. Но и это не помогло им, ибо гестапо хотя и вынуждало людей к предательству, но предателей в то же время презирало.

Беттельхайм дает здесь очень тонкий анализ чувства собственного достоинства типичных представителей среднего класса и их потребности в идентификации: их самосознание питалось престижностью социального положения, а также правом отдавать приказы. Когда эти опоры у них были отняты, они утратили сразу всю свою стойкость (как воздух выходит из воздушного шарика). Беттельхайм показывает, почему эти люди были так деморализованы и почему многие из них стали покорными рабами и даже шпионами на службе у СС. Но необходимо назвать еще одну важную причину для такого превращения: эти неполитические заключенные не могли уловить, полностью понять и оценить ситуацию; они не могли уяснить, за что они оказались в концентрационном лагере, они не были преступниками, а в правовом сознании уместается лишь одна мысль: только «преступники» боятся наказания. И это непонимание ситуации приводило их в полное смятение, которое сильно способствовало душевному надлому.

Политические и религиозные заключенные реагировали на те же самые условия совершенно иначе.

Для политических, которые подвергались преследованиям СС, арест не стал громом среди ясного неба, они были к нему психологически готовы. Они проклинали свою судьбу, но при этом принимали ее как нечто соответствующее самому развитию событий. Они, естественно, были озабочены тем, что их ждет и, конечно, судьбой своих близких, однако, без сомнения, не чувствовали себя униженными, хотя, как и другие, страдали от ужасных условий лагеря.

Свидетели Иеговы оказались в концлагере за отказ служить в армии. Они держались едва ли не еще более стойко, чем политические. Они не утратили своей личности благодаря сильным религиозным убеждениям. Поскольку единственная их вина в глазах СС состояла в нежелании служить с оружием в руках, им часто предлагали свободу, если они согласятся служить, но они стойко отвергали эти предложения.

Иеговисты, как правило, были людьми достаточно ограниченными и стремились только других обратить в свою веру. В остальном же они были хорошие товарищи, надежные, воспитанные и всегда готовые прийти на помощь. Они редко вступали в споры и ссоры, были примерными работниками и потому из них нередко выбирали «als Karos» — надзирателей, и тогда они добросовестно подгоняли заключенных и настаивали, чтобы те выполняли работу качественно и в срок. Они никогда не оскорбляли других заключенных, всегда были вежливы и все равно эсэсовцы предпочитали их за трудолюбие, ловкость и сдержанность.

Хотя Беттельхайм дает очень краткое, схематичное описание политзаключенных, из него все равно совершенно очевидно, что заключенные с твердыми убеждениями совершенно иначе реагировали на обстоятельства концлагеря, чем те, у кого таких убеждений не было. Этот факт находится в противоречии с бихевиористским тезисом, который Хани, Бэнкс и Цимбарго пытались доказать своим экспериментом.

Естественно, возникает вопрос: какой смысл в подобных «искусственных» экспериментах, когда есть столько материала для «естественных»? Этот вопрос звучит тем не менее остро не только потому, что эти эксперименты страдают неточностью, но еще и потому, что экспериментальная ситуация всегда имеет тенденцию к искажению «реальной жизни».

А что мы здесь подразумеваем под «реальной жизнью»?

Быть может, будет лучше, если я приведу несколько примеров вместо того, чтобы давать формальное определение и вводить наш разговор в научно-философское русло.

Итак, пример 1. Во время маневров объявляют, что имеется определенное число «убитых» солдат и несколько «подбитых» орудий. Это соответствует правилам

игры, но для солдат, как личностей, и для орудий, как предметов, не имеет никаких последствий; «убитый» солдат рад, что получает некоторую передышку, да и «подбитое» орудие будет продолжать свою службу. Самое страшное, что может грозить проигравшей стороне — это то, что у командующего генерала могут быть трудности в служебной карьере. Иными словами: то, что происходит на учениях, не имеет никаких последствий для реальной жизни большинства участников. Зато меньшинство реальных «игроков» рискует урожаем, потеря которого серьезно угрожает их экономическому положению. Но «игрок» «играет» не в прямом смысле; на самом деле он осуществляет на практике одну из реальных и весьма драматических форм жизни. Данная концепция соотношения «игры» и «реальности» касается такого вида спорта, как фехтование: никто из партнеров не рискует жизнью. Если же ситуация поединка организована таким образом, что кто-то пострадал, то мы говорим уже не о спорте, а о дуэли.

Если бы «испытуемые» в психологическом эксперименте абсолютно ясно себе представляли, что все это только игра, все было бы очень просто. Но во многих экспериментах (включая и Мильграма) их обманывают. Что же касается эксперимента с тюрьмой, то все было подстроено так, чтобы кандидаты как можно меньше знали о своем участии, более того, чтобы они вообще не могли понять, что арест — это всего лишь начало эксперимента. А то, что многие исследователи ради удобства проведения эксперимента вообще работают с совершенно ложными фактами — это лишь еще одно доказательство их чрезвычайно низкой результативности: среди участников происходит полное смятение — и это очень сильно снижает критическую способность их суждений.

В «реальной жизни» мы знаем, что наше поведение всегда влечет за собой последствия. У кого-то может возникнуть фантазия убить человека, но такая фантазия редко приводится в исполнение. У многих подобные фантазии появляются во сне, а сон не имеет последствий. Эксперимент, в котором испытуемые не обязательно ощущают жизненную реальность происходящего, скорее, могут вызывать реакции, которые выявляют бессознательные тенденции, и ум вовсе не является однозначно симптомом того, как поведут себя эти люди в действительной жизни. Есть еще одна причина, по которой очень важно точно знать, является данное событие реальностью или игрой. Как известно, реальная опасность мобилизует «аварийную энергию» организма — физическую силу, ловкость, выносливость и т.д., и нередко эти силы достигают таких размеров, которых человек и не предполагает. Но эта аварийная энергия мобилизуется лишь тогда, когда весь организм ощущает реальность этой опасности на нейрофизиологическом уровне; это не имеет ничего общего с повседневными человеческими страхами, которые не вызывают никаких защитных сил, а только оставляют заботы и усталость.

Сходная ситуация возникает, например, когда человеку приходится мобилизовывать все свои моральные силы, совесть и силу воли — здесь тоже очень большое значение имеет различие между реальностью и фантазией, ибо эти чувства вовсе не возникнут, если не будет уверенности, что все происходящее очень серьезно и имеет место на самом деле.

Кроме всего сказанного в лабораторном эксперименте вызывает сомнение роль руководителя. Он руководит фиктивной реальностью, которую сам сконструировал и теперь осуществляет свою власть над ней. В известном смысле он сам для испытуемого является представителем реальности; уже поэтому он действует на испытуемых точно так же, как гипнотизер на своих клиентов. Ведь руководитель до известной степени освобождает испытуемых от собственной воли и от ответственности и тем самым гораздо быстрее формирует их готовность подчиняться ему, чем это имело бы место в любой другой негипнотической ситуации.

И, наконец, последнее. Разница между мнимым заключенным и настоящим настолько велика, что по сути дела невозможно провести мало-мальски приемлемую аналогию и делать серьезное заключение на основе эксперимента. Для заключенного,

который попал в тюрьму за определенное деяние, ситуация в высшей степени реальна. Он знает, за что арестован (вопрос о справедливости или несправедливости наказания — это уже другая проблема), знает свою беспомощность и знает тот минимум прав, которыми может воспользоваться, знает свои шансы на досрочное освобождение. И ни у кого не вызывает сомнения, что очень значимым фактором для заключенного является срок: идет ли речь всего о двух неделях пребывания в тюрьме (даже в самых ужасных условиях), или же о двух месяцах, двух годах или двенадцати годах лишения свободы. Этот фактор решающий, именно он вызывает состояние безнадежности и полной деморализации, он же (в исключительных случаях) может привести к мобилизации новой энергии — для реализации плохих или хороших целей. Кроме того, заключенный — это ведь, в конце концов, не только «заключенный». У каждого своя индивидуальность, и реагирует он в соответствии с индивидуальной структурой личности (характера). Это, правда, не означает вовсе, что все реакции суть исключительно функция одной лишь личности и не имеет никакого отношения к ее окружению. Было бы наивно пытаться решить эту альтернативу по типу или-или. Самое сложное в этой проблеме — у каждого индивида и в каждой группе — выяснить, в чем состоит специфика взаимодействия между структурой конкретной личности и структурой конкретного общества. Только здесь начинается настоящее научное исследование, и этому исследованию мешает гипотеза о том, что единственным фактором, объясняющим человеческое поведение, остается ситуация.

Фрустрационная теория агрессии

Существует еще немало бихевиористски ориентированных исследований проблемы агрессивности, но единственной общей теорией о причинах агрессии и насилия является теория фрустрации Джона Долларда, претендующая на открытие причины любой агрессии. Точнее говоря, эта теория утверждает следующее: «Возникновение агрессивного поведения всегда обусловлено наличием фрустрации и наоборот — наличие фрустрации всегда влечет за собой какую-нибудь форму агрессивности».

Спустя два года один из авторов, Н.Э. Миллер, сделал такое допущение, что фрустрация может вызывать множество различных реакций и что агрессивность есть лишь одна из возможных реакций.

Как утверждает Басс, эта теория была признана за малым исключением почти всеми психологами. Сам Басс подводит критический итог: «К сожалению, особое акцентированное внимание к фрустрации привело к тому, что целый большой класс antecedent (вредных раздражителей) был выброшен за борт вместе с концепцией агрессии как инструментальной реакции. На самом деле фрустрация — это лишь одна из многих antecedent агрессивности и притом — не самая сильная».

К сожалению, невозможно более подробно обсудить фрустрационную теорию агрессии в рамках этой книги из-за огромного объема справочной литературы. Поэтому я ограничусь рассмотрением лишь нескольких важнейших положений.

Первоначальная простая формулировка этой теории сильно пострадала от многочисленных толкований понятия «фрустрация». Главными остаются два значения: 1) Прекращение начатой целенаправленной деятельности (пример с мальчиком, который залез рукой в коробку с печеньем — и в этот момент в комнату вошла мать и возмутилась; или пример с прерванным сексуальным актом). 2) Фрустрация как отрицание своего желания, вожделения, страсти, «отказ» в терминах Басса (пример с мальчиком, который просит у матери печенье, а она ему отказывает; или — с мужчиной, который делает женщине предложение, а она его отвергает).

Многозначность толкований понятия «фрустрации» связана, во-первых, с тем, что Доллард и другие недостаточно четко и точно сформулировали свои идеи. Вторая причина, вероятно, состоит в том, что в быденном языке слово «фрустрация» употребляется чаще всего во втором значении, а можно было бы к этому добавить

еще и психоаналитические идеи. (Например, потребность мальчика в любви своей матери оказывается «во фрустрации».)

Каждому из значений понятия «фрустрация» соответствуют две совершенно различные теории. Фрустрация в первом смысле, видимо, встречается довольно редко, ибо для нее необходима такая ситуация, когда преднамеренная деятельность уже началась. В любом случае, серьезного подтверждения или опровержения этой теории можно ожидать только от новых научных данных нейрофизиологии.

Что касается другой теории, опирающейся на второе значение слова «фрустрация», то складывается впечатление, что она не выдерживает проверки эмпирическими фактами. Вспомним хотя бы простейший жизненный факт: ни одно важное дело в жизни не достигается без фрустрации. Как ни симпатична идея возможности учения без труда (то есть без фрустрации), но она явно недопустима, особенно, если речь идет о получении высокой квалификации. И если бы человек не овладел способностью справляться с фрустрациями, то он бы, вероятно, вообще не смог совершенствоваться. А разве опыт жизни не показывает нам, что люди ежедневно страдают, получая отказы, но при этом вовсе не проявляют агрессивных реакций?

На самом деле важнейшую роль играет психологическая значимость фрустрации для конкретного индивида, которая в зависимости от общей обстановки может быть различной.

Если, например, ребенку запрещают есть конфеты, то эта фрустрация может не вызывать никаких агрессивных реакций, если родители любят ребенка. Если же этот запрет является одним из проявлений родительского волюнтаризма, или, если младшей сестренке в его присутствии дали печенье, а ему — нет, то ситуация может привести к настоящему взрыву гнева. Таким образом, агрессивность вызывается не фрустрацией как таковой, а ситуацией, в которой есть элемент несправедливости.

Важнейшим фактором для прогнозирования последствий фрустрации и ее интенсивности является характер индивида. Например, обжора будет негодовать, если не почует вдоволь еды, жадный становится агрессивным, если ему не удастся выторговать что-то и купить подешевке. Нарциссическая личность испытывает фрустрацию, если не получает ожидаемых похвал, признания и восхищения. Итак, от характера человека зависит, во-первых, что вызывает в нем фрустрацию и, во-вторых, насколько интенсивно он будет реагировать на нее.

Поэтому, какова бы ни была ценность бихевиористских исследований проблемы агрессивности, все же не удалось сформулировать общую гипотезу о причинах особо острой агрессивности, ведущей к ним. Мегарже в конце своего блистательного обзора психологической литературы пишет: «Лишь считанные исследователи попытались перепроверить существующие теории насилия. Эмпирические исследования, занимавшиеся частными проблемами, в общем и целом не служили делу проверки теорий. А серьезные теоретики чаще всего изучали сравнительно мягкие формы агрессивного поведения или же брали за объект исследования инфраструктуру, а не человека».

Принимая во внимание талант этих исследователей, огромное количество материалов, которые были в их распоряжении, а также многочисленных помощников-студентов, результаты можно оценить как весьма умеренные, что дает основание считать, что бихевиористская психология непригодна для создания систематической теории об источниках агрессивности и насилия.

*Перевод подготовлен
в лаборатории культурологии ИНИОН РАН*